

Мне жаль гадалку — она ошиблась

Известия. — 1997. — 22 окт. — с. 8.

В среду «Современник» на две недели отправляется в Нью-Йорк: театр везет в Америку «Вишневый сад», новый спектакль Галины Волчек. Это не первая поездка «Современника» в Соединенные Штаты: в прошлом году театр показывал там «Трех сестер» и «Крутой маршрут». Гастроли прошли с феноменальным успехом: «Современник» привез в Москву общенациональную премию в области театра.

— Галина Борисовна, откуда у американцев такая любовь к «Современнику»?

— В 1978 году я впервые приехала в Америку на постановку и свободное время проводила в театрах. Вернувшись в Москву (а «Современник» тогда был невездным), я сказала: «Не знаю, в какой стране мира мы бы провалились, но в Америке нас поймут». Так и вышло: в 1990 году «Современник» приехал в Ситл, и наши спектакли имели успех, а в прошлом году мы привезли в Россию театральную премию США. Дай Бог, чтоб и гастроли, на которые мы сейчас отправляемся, прошли не хуже...

— «Современник» везет в Америку «Вишневый сад». Что эта пьеса может сказать теперешнему зрителю, как она связана с тем, что творится у нас за окном? У меня поневоле возникает ощущение, что классика для нашего театра становится башней из слоновой кости, где он пытается спрятаться от современности...

— А я думаю, что режиссер берется за «Вишневый сад» как раз тогда, когда ему есть что сказать о сегодняшнем дне. Мы выпустили очень жесткий спектакль, не совпадающий с тем стереотипом, который сложился вокруг пьесы.

Мне никогда не был интересен Чехов, поставленный театром на котурны, но я не принимала и Чехова сниженного, огрубленного, упрощенного под стать банальному режиссерскому разумению. Эта мода пришла к нам с Запада и нашла здесь живейший отклик: подзаголовок «комедия» читается впрямую, режиссер смотрит на автора со стороны, а в придачу — зное количество не Бог весть какого качества иронии, внутренний холодок, взгляд на героев и ситуации пьесы сверху вниз... Все это меня никогда не волновало. Чехов нужен мне как автор, которого я могу прочитать сегодняшними глазами.

— Каков же для вас сегодняшний Чехов?

— Достаточно жесткий. Парадоксальный. У него нет плохих и нет хороших людей: они все хорошие и плохие одновременно. В каждой пьесе Чехова я чувствую смутную, неформулируемую тревогу, которая наполняет сегодня не только Россию — планету. В «Вишневом саде» это ощущение

пограничного, временного, переходного существования присутствует в полной мере, потому-то пьеса и созвучна сегодняшней жизни. Но если раньше, в советскую пору, когда духовная элита противостояла и хамству обывденной жизни, и напору со стороны государства, я ставила эту пьесу о закономерности гибели интеллигенции, то сейчас меня волнует иная тема. Тема грядущего ухода сформированного гуманитарной культурой XX века человеческого типа.

— С чем это связано?

— С необходимостью платить за прогресс. Мы уже не можем жить без телефона, факса, самолета, современных средств коммуникации, в нашу жизнь вошел Интернет... Но все дело в том, что единственным свободным местом, пригодным для строительства аэродрома или небоскреба, оказывается вишневый сад.

Красота, разумеется, вечно — без нее человечество не сможет жить, — но смысл, который оно вкладывает в это слово, меняется вместе со временем. Это происходит на наших глазах, происходит с нами самими: посмотрите, с каким восторгом мы относимся к подсветкам, которыми сияет сегодняшняя ночная Москва, к плывущим в небе лазерным лучам... Я и сама еду по ночному городу и думаю: «О, как красиво! А я ведь и не знаю, как это сделано...»

— Но ведь все эти технологические красоты меняют человека...

— А кто говорит, что это хорошо? Но то, что представление о прекрасном меняется, — данность. А данность не может быть плохой или хорошей. Она есть, и ее надо принять.

Раньше я выбивалась из сил ради того, чтобы украсить сцену настоящими деревьями. Мы с огромным трудом привозили их в театр, насыпали на сцену настоящую землю — в результате все сценические костюмы были измазаны... Грязь в театре стояла чудовищная, но игра стоила свеч — из этого складывался тот прекрасный образ, который для меня был связан с «Вишневым садом». Но сегодня красота должна быть другой. Ныне прекрасное связано с новыми технологиями, нетрадиционными материалами — всем тем, что окружает нас в изменившейся жизни. Я была рада, когда художник Каплевич

понял меня и построил вишневый сад из нового материала.

— Неужели, работая над пьесой, вы не вспоминали об истории «Современника»? Когда Олег Николаевич Ефремов оставил созданный им театр, многие думали, что в нем, как в усадьбе Раневской и Гаева, пора заколачивать окна и двери...

— Эк вспомнили! Это было двадцать пять лет тому назад: с тех пор и я, и театр, и Олег Николаевич Ефремов прожили не одну — несколько жизней.

— Но я отлично помню то, что за этим последовало. Долгое время о театре почти не писали: он жил, выпускал пользовавшиеся зрительским успехом спектакли, но критического резонанса вокруг «Современника» не было вовсе...

— А его и сейчас нет. Ныне о нас, слава Богу, начали писать журналисты. А театральные критики если и откликаются на работу театра, то в узкоспециальных малотиражных изданиях, и после долго радуются, что им удалось дать «Современнику» очередную плюшку. Они давно выработали свою концепцию, похорошили театр — и успокоились. Если наши гастроли пройдут успешно, они будут говорить, что на Бродвее ничего не понимают в искусстве. Да Бог с ними, с критиками. Я давно уже успокоилась на их счет.

— Старые театралы говорят, что театр, основанный группой единомышленников, живет лишь определенное количество лет...

— Вот все и ждали, когда мы умрем. А мы этого удовольствия не доставили и в музей имени «Современника» 50-х не превратились. Мы обновляли в труппе кровь, привлекали молодых, своими спектаклями боролись с теми, кто пел нам отходную... И в результате стали совсем другим театром. Мне смешно слушать рассуждения о том, куда и когда из нашего театра испарился дух студии. «Современнику» сейчас около сорока лет: если человек в этом возрасте сохранил мысли и повадки десятилетнего ребенка, его иначе как дебилом не назовут. А ведь нам именно такие требования и предъявляли — почему вы на уровне молодости не остаетесь?

— Все эти годы вы тащите «Современник» на своих плечах. Чего это вас лишило?

— Разве вы этого не знаете? Вся моя жизнь на виду, даже при очень большом желании я ничего не смогла бы скрыть. Театр перемолот меня, как мясорубка, и это было естественно.

Вы думаете, мне легко было бороться с теми, кто желал нам смерти и мысленно заколачивал наш гроб? Меня укоряли за то, что я, хорошая артистка, стала режиссером, да еще и главным,

да еще и сохранила театр... Все это никак не ложилось в устраивавшую этих достойных людей концепцию. Мне жаль гадалку — она ошиблась.

— У вас прекрасный сын: Денис Евстигнеев по праву называют одним из самых интересных молодых кинорежиссеров. И все же это человек новой — и не вашей — культуры. Вы хорошо понимаете друг друга?

— К счастью, хорошо. Я отлично лажу и с ним, и с его приятелями, у меня самой много молодых друзей. Я не являюсь консерватором ни в чем: начиная с еды и кончая всеми остальными ипостасями жизни духа и тела.

— Из чего состоит ваш обычный день?

— Сегодня я была на репетиции, потом занималась нашими текущими делами — во время поездки в Америку театр будет продолжать работать. И даже успела причесться... Эту полезную процедуру я проделала прямо здесь — потерять два часа на поездку в парикмахерскую я не имею права. Платья, которые мне шьют, я меряю в своем рабочем кабинете. И сына своего я вижу раз в неделю, когда он приезжает ко мне повидаться.

— В дни вашей молодости театральная Москва рассказывала легенды о том, как Волчек любит и умеет одеваться, о вашей страсти к украшениям...

— Я люблю все, что должна любить женщина. К сожалению, на то, чтобы привести себя в порядок, мне постоянно не хватает времени. Разговаривая с посетителями, я обычно прячу руки под стол... А вот сегодня мне их стыдиться не приходится — я, как видите, успела сделать маникюр.

— И последний вопрос. Многие творческие люди чувствуют сильнейшее отторжение от новой жизни: пусть к ним в квартиры никто не вламывается, но она вызывает у них отвращение чисто эстетического свойства...

— Ну как же не вламываются? Недавно, например, по дороге домой бандиты напали на Альберта Филозова и избили его до сотрясения мозга... Когда по телевизору показывают малолетних питерских беспризорников, которые по младости лет не выговаривая буквы, говорят «сизу на игле», мне делается жутко.

А когда я вижу преуспевающего, осознанно раскрепощенного человека, сохранившего тем не менее лирическую ноту в душе, я понимаю, что для нас далеко не все потеряно... Это моя страна, мой город, и новая жизнь тоже принадлежит мне — как же я могу их ненавидеть?

Алексей ФИЛИПОВ,
«Известия».